

30.05.2014

Вторая половина 60-х и последующие годы ознаменовались выходом Советского Союза по ряду ключевых направлений научно-технической революции на уровень мировых держав. В основном это касалось космонавтики, атомной энергетики, производства современных видов вооружения. В этой связи стали заметно улучшаться отношения как с союзниками, так и с капиталистическими странами, что привело к заключению договоров об ограничении ядерных испытаний под землей и проведению Общеευропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Наметился значительный рост экономического, научного и культурного обмена между Востоком и Западом.

Деятельность иностранных разведок против СССР в это время не только не прекратилась, а, напротив, стала еще более интенсивной и изощренной. Особенно их интересовала информация о последних научно-технических достижениях, о ракетных войсках стратегического назначения, атомном подводном флоте, системах противовоздушной и противоракетной обороны. Иностранные спецслужбы в своей деятельности ловко использовали противоречия и недостатки в политической, экономической и социальной сферах, имевшие место в нашей стране. «Хрущевская оттепель» была недолгой. Уже в середине 60-х гг. началась «переоценка ценностей»: сворачивалась критика сталинизма, затормозился процесс реабилитации. Высшее руководство КПСС оказалось неспособным преодолеть все нарастающее отставание страны в плане экономики от ведущих мировых лидеров. Анекдот брежневских времен о том, как поступит генсек, если закончатся рельсы, по которым идет состав по имени «Советский Союз»: «Закрою шторы на окнах и буду раскачивать вагон, как будто мы едем» — точно отражает действительное положение в стране тех лет. Советские руководители не в состоянии были не только поднять социально-экономический уровень жизни населения, но даже объяснить народу причины нехватки продовольствия и товаров, падения дисциплины, проявления карьеризма, особенно в высших эшелонах власти. На этой почве в стране начало активно проявляться диссидентское движение. Верховная власть в ответ на это нашла уже испытанный путь — привлечение органов государственной безопасности для борьбы с инакомыслием, а точнее, с собственным народом. Безусловно, это не прибавляло авторитета спецслужбам среди населения, а, напротив, вызывало негативную реакцию. Одна из сильнейших спецслужб мира — Комитет государственной безопасности — оказалась заложником собственного статуса и долга. Руководство страны, поправ объективные исторические и экономические законы развития общества, пыталось насильственным путем выйти из кризиса, а КГБ, будучи государственным институтом, даже понимая несостоятельность таких действий, обязан был поддерживать верховную власть в силу своего исторически сложившегося положения «государева ока».

Заметные качественные изменения в работе органов госбезопасности произошли с приходом на пост председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова. В этот период укрепился кадровый потенциал ведомства. Структура органов была приведена в соответствие с изменившимися задачами. А задачи, в свою очередь, определялись динамикой процессов, происходивших в обществе; динамикой изменений в международной обстановке; расширялись политические, экономические, научно-технические и культурные связи между СССР и странами Западной Европы и Америки. На смену «холодной войне» постепенно приходили взаимопонимание и даже сотрудничество в сфере борьбы с международным терроризмом, наркобизнесом; обмен информацией по некоторым вопросам деятельности правоохранительных органов и спецслужб.

Серьезное внимание глава ведомства уделял восстановлению и продолжению лучших традиций эпохи Ф.Э. Дзержинского, большое значение придававшего морально-этическим качествам чекистов, их верности идее защиты интересов народа. По инициативе Юрия Владимировича Андропова в деятельности органов КГБ начал возрождаться принцип коллегиальности. Стратегические вопросы развития органов безопасности стали регулярно рассматриваться на всесоюзных совещаниях руководящего состава (1971, 1976, 1981, 1986гг.).

В эпоху Андропова были приняты меры по пересмотру дел лиц, осужденных в предвоенные и послевоенные годы за так называемые контрреволюционные преступления. Судьбы этих людей вершили, как известно, органы внесудебной расправы (Особые совещания МВД). Отменены были печально известные законы 1934 и 1937 гг., устанавливавшие особый порядок расследования и судебного (а также внесудебного) рассмотрения дел по ряду государственных преступлений. Безвинно пострадавших людей, в том числе и работников НКВД, реабилитировали - восстановили доброе имя в глазах общества, родных и близких.

В результате этих мер возрождалось доверие советских людей к деятельности органов госбезопасности. Средства массовой информации, радио, телевидение, кино стали широко освещать работу разведки и контрразведки, пограничников, других оперативных подразделений. Гласность в работе чекистских структур утвердилась в качестве одного из основополагающих принципов.

Строжайшему соблюдению законности, охране прав и свобод граждан способствовал принятый Верховным Советом СССР 16 мая 1991 г. Закон «Об органах государственной безопасности в СССР».

Отечественные органы безопасности успешно решали задачи по борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью иностранных спецслужб и организаций, по выявлению, предупреждению и пресечению разного рода их подрывных акций против СССР.

В 70-90-е гг. отечественная контрразведка провела специальные операции «Норд», «Вест», «Славутич», «Кура», «Заревшан», «Амур», «Прибой», «Волга», «Каскад», «Паутина», «Капкан» и др. Они были нацелены на пресечение шпионской разведывательной деятельности иностранных спецслужб и организаций, незаконной торговли оружием и боеприпасами; против оборота наркотиков, бандитских группировок, оргпреступности, коррупции.

В этих операциях принимали участие опытные профессионалы контрразведки, следственных аппаратов, технических служб, пограничных войск: Д.П. Носырев, НА Инаури, С.Е. Мануйлов, К.А. Григорьев, В.А. Матросов, М.Т. Дедюхин, В.Н. Коньков, Н.Н. Ермишин, Г.Ф. Григоренко, С.Е. Безрученков, В.Н. Удилов, Б.И. Орешкин, Б.М. Юшаков, И.А. Маркелов, И.И. Соколенке, Ю.П. Данилов, Р.С. Красильников, Л.В. Пашоликов, Ю.Н. Висков, В.В. Разуменко, А.В. Загвоздин, А.С. Духанин, Н.А. Михайлюков, А.С. Терещенко, К.М. Булгаков, М.И. Ермаков, В.С. Виноградский, Ю.И. Савельев, Н.П. Емохонов, М.И. Царьков и многие другие.

В период руководства Ю.В. Андропова органами госбезопасности непрерывно возрастал их научный и технический потенциал. Разрабатывались и внедрялись в практику передовые технологии. Научно-технический потенциал страны, ее стабильность и мощь явились определяющим фактором в развитии спецслужб государства.

Политические аналитики сегодня по-разному оценивают реформы, проведенные и планировавшиеся Ю.В. Андроповым. Одни склоняются к тому, что для серьезных преобразований история не отпустила ему времени; другие — что он и не предполагал проведения глубоких реформ. Достоверно одно: Ю.В. Андропов в начале 80-х гг., когда в ноябре 1982 г. он стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, сделал первые шаги по выводу страны из состояния «застоя», а продолжить реформы судьбой было назначено М.С. Горбачеву.

Тот факт, что начался раскол в коммунистической партии, которая 70 лет пребывала у власти и всегда гордилась единством своих рядов, говорит о многом. Начался распад социалистической системы, и это тоже говорило о ее «искусственности» и отсутствии настоящей основы. В октябре 1990 г. прекратила свое существование ГДР, а советские войска были выведены с территорий Афганистана и стран Восточной Европы. К концу 1991 г. произошел окончательный распад некогда могущественного (опять же за счет чего?) социалистического содружества.

В это время аналитические отделы КГБ активно пытались достучаться до сознания руководителей страны, прогнозируя грядущие события, но, к сожалению, так и не были услышаны.

Пройдет время. В России вновь укрепятся идеи государственности. И все мы увидим, что память о людях, которые преданно служили именно этим идеям, осталась светлой. К числу таких людей принадлежит Юрий Владимирович Андропов.

Родился он в памятном по началу Первой мировой войны 1914-м году в Ставропольском крае. Начало биографии довольно типичное для людей его времени, его круга: учеба в мореходном училище, работа в пароходстве, затем комсомольская работа. В 30-е — уже во главе райкома, а затем и обкома комсомола (Ярославского). Следующая ступенька — должность первого секретаря ЦК комсомола вновь образованной Карело-Финской ССР. Этот этап оказался в жизни молодого комсомольского вожака определяющим. И речь не столько о мере ответственности и масштабах работы, сколько о человеке, рядом с которым он шел по жизни в эти годы.

Отто Вильгельмович Куусинен. Член партии с 1904 г., видный деятель Коминтерна, в течение всего периода существования Карело-Финской ССР председатель Президиума Верховного Совета республики, сумел передать молодому Андропову то лучшее, что несли в себе борцы за «идею всенародного счастья начала века». И эти качества остались характерными для личности Юрия Владимировича на протяжении всей его жизни. Помноженные на несомненные организаторские способности и присущий ему талант политического стратега, они оченьгодились Юрию Андропову в годы Великой Отечественной войны.

Большая часть территории Карелии в течение трех лет в годы Великой Отечественной войны жила в условиях немецко-фашистской оккупации. Андропов был одним из организаторов

партизанского движения в республике, имевшего свои особенности. Одна из них - ярко выраженный диверсионно-разведывательный характер. Отряды совершали рейды в тыл врага с партизанских баз, размещавшихся в прифронтовой полосе на нашей территории. Это требовало не только четкой согласованности, но и совместных действий работников НКВД, пограничников и партизан.

Организацией этого взаимодействия и занимался Юрий Владимирович Андропов. В музее Ребольского пограничного отряда и сейчас хранится фотография участников одного из совещаний, которое проводил у пограничников Юрий Владимирович в 1942 г.

При активном участии Ю.В. Андропова из состава войск НКВД по охране тыла Ленинградского и Карельского фронтов за одно только лето 1941 г. в партизанские отряды было отобрано более тысячи человек.

С ноября 1941 г. в лесах Карелии успешно действовал отряд «Красный партизан», который возглавлял бывший начальник пограничной заставы Ф.Ф. Журих. Бойцы отряда воевали очень дерзко. Их рейды были неожиданны и стремительны. Костомукша, Ладвоозеро, Риноярви... Старожилы этих мест и сейчас помнят, в какую панику повергало носителей и блюстителей «нового порядка» воинство Журиха. В отряде, помимо чекистов, воевали и местные жители. Прекрасно ориентируясь в лесной местности, они были незаменимы при подготовке боевых операций. Например, разведчик отряда (житель Ладвоозера) И. Пертунен собирал разведанные, передвигаясь в расположении гитлеровских войск под видом лесоруба. Роль эта была для него и легка и трудна одновременно: было партизану ни много ни мало... семьдесят лет. «Лесоруб» тщательно наносил на карту расположение штабов, казарм, складов и тем самым вооружал отряд ценной информацией. Следующий этап - внезапное нападение. Быстро уничтожив объекты противника, отряд Журиха практически без потерь отходил в лес на маневренную базу.

«Красный партизан» совершил более 30 рейдов во вражеском тылу, прошел в общей сложности 13 тысяч километров, разгромил 8 гарнизонов врага, взорвал 7 мостов и сжег 13 складов.

В 1942-1943 гг. действовавшими на территории Карелии разведывательно-диверсионными группами (а их было более 70) уничтожено свыше 400 вражеских солдат и офицеров, взято около 1000 пленных, выведено из строя 10 самолетов, сожжено 8 складов с боеприпасами и военным имуществом.

Отгремела Великая Отечественная... Нужно было восстанавливать хозяйство, строить мирную жизнь. Юрия Владимировича Андропова избирают вторым секретарем ЦК Компартии Карело-Финской ССР. Но в 1953 г. масштабы его деятельности меняются: он назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом в Венгерскую Народную Республику.

К этому времени Андропов уже вполне сложился как опытный партийный и государственный деятель, способный не только анализировать сложные политические и социально-экономические процессы, но и прогнозировать их развитие. Те, кто знал Юрия Владимировича лично, неизменно отмечают его незаурядный ум и политическую одаренность, необычайную для руководителей той поры интеллигентность. Не получив специального дипломатического образования, он тем не менее обладал глубокими знаниями в самых разных сферах человеческой деятельности. Английским языком владел в такой степени, что свободно читал в подлиннике английскую и американскую литературу. Любил музыку и стихи. Сам писал. Одно из лучших его стихотворений посвящено жене.

Андропова отличали к тому же в высшей степени порядочность, бескорыстие, близкое к аскетизму, равнодушие к житейским благам. Уже в пору, когда в руках Ю.В. Андропова была сосредоточена достаточно большая власть, один из вновь назначенных высоких республиканских руководителей прислал ему ящик коньяка. С посыльным разговаривала жена Юрия Владимировича. Она сказала буквально следующее: «У Юрия Владимировича не будет возможности воспользоваться вашим подарком, пожалуйста, заберите обратно». Подарок принят не был. Это очень характерный эпизод. Позднее все презенты и подношения, которые Ю.В. Андропов, уже будучи главой КГБ, а затем и государства, получал в изобилии, по его указанию складывались в особой комнате и впоследствии использовались в благотворительных целях.

Эти качества личности Андропова заметно выделяли его уже тогда, в начале 50-х, даже на фоне высокопоставленных дипломатов, обладателей престижных дипломов.

Пост посла в Венгрии Юрий Владимирович Андропов занимал с 1953 по 1957 г., т.е. в период, когда в стране развивались драматические события, негативно сказавшиеся и на международных отношениях, и на положении внутри страны.

Сообщения Андропова в Москву в месяцы, предшествовавшие выступлению противников режима Ракоши осенью 1956 г., отличались необычной для тех времен откровенностью и остротой. Он, в частности, критически отзывался о Ракоши и других венгерских руководителях, предупреждал, что, если мы и дальше будем делать ставку на них, это может привести к серьезным осложнениям.

Андропов никогда не относился к стране, в которой был аккредитован, как иные секретари обкома — к своей области. Непонимание этого подвело наших руководителей тогда, в 56-м. Сделанный Андроповым объективный, критический анализ ситуации в Венгрии, к сожалению, не насторожил Москву. И оправдалось худшее из его предположений. Советское посольство буквально захлестнула информация о безжалостных расправах над венгерскими коммунистами, партийными работниками и государственными служащими. Немало пришлось пережить в те дни и самому Юрию Владимировичу. Вокруг посольства шла безостановочная стрельба. В частности, была обстреляна машина Ю.В. Андропова, когда он выезжал для встречи А.И. Микояна. Кровавые события в Будапеште, в центре которых волей судьбы он оказался, стали причиной серьезной (на всю жизнь) болезни его жены.

Пережитое в Венгрии не могло не изменить мироощущения сорокачетырехлетнего посла. Именно здесь корни его неизменно тревожного отношения к эскалации внутренних трудностей в социалистических странах, повышенной готовности принимать самые радикальные меры для предотвращения их перерастания в острый кризис. В отличие от многих других советских руководителей, хорошо разбираясь в экономической, политической и идеологической обстановке в социалистическом лагере, Ю.В. Андропов не исключал в экстренных случаях применения силы, но вместе с тем никогда не абсолютизировал ее.

Когда вооруженное выступление противников существующей власти было подавлено при помощи военной силы, Андропов, дальновидный политик, начал думать не о мести и сведении счетов, а о том, как помочь венгерскому народу быстрее установить гражданский мир в расколотом агрессией обществе.

В 1957 г. Ю.В. Андропов возглавил международный отдел ЦК КПСС (занимался соцстранами). В ноябре он уже участвовал в подготовке и проведении Международного совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран. Сразу после этого состоялось еще более широкое Совещание представителей коммунистических и рабочих партий более чем 60 стран мира, прибывших на празднование 40-летия Октябрьской революции. Эти важнейшие встречи дали Юрию Владимировичу богатую информацию для размышления о судьбе социализма, о путях развития системы. Он многое предвидел.

Роль Андропова в политической жизни страны возросла после XXII съезда КПСС, когда он был избран членом ЦК КПСС. А в начале 1962 г. Юрий Владимирович стал секретарем ЦК. Теперь он мог значительно расширить аппарат своего отдела, создав в нем аналитические и консультативные подразделения. В то время не без влияния событий в Венгрии и Польше существенно изменились многие важные принципы, регулировавшие ранее отношения между СССР и странами Восточной Европы. Н.С. Хрущев, ломая жесткие рамки сталинизма, старался оживить социалистическую систему и идеологию, сделать их более привлекательными. Не последняя роль в этом процессе принадлежала и Юрию Владимировичу Андропову. Уже в первые три года работы в ЦК Андропов побывал во всех странах Восточной Европы и наладил хорошие контакты с их государственными и партийными руководителями.

С этих пор Андропов входит в число ведущих политических лидеров страны. В 1963 г. он возглавил делегацию СССР, летевшую в Северный Вьетнам для переговоров с Хо Ши Мином. В конце августа того же года Андропов сопровождал Н.С. Хрущева в поездке по Югославии. Весной 1964 г. Юрию Владимировичу поручили выступить от имени ЦК КПСС на торжественном заседании, посвященном годовщине со дня рождения В.И. Ленина. Кроме того, он выступал в Берлине на научной сессии, посвященной столетию I Интернационала. Андропов все больше становился публичным политиком, известным в стране и за рубежом.

И тем не менее Юрий Владимирович не входил в круг ближайших соратников Хрущева. Именно поэтому события октября 1964 г. во многом оказались для него неожиданными. Неожиданным для него стал и перевод в Комитет государственной безопасности. Очевидно, определяющую роль здесь сыграли не только его деловые, но и личные качества. Как и Дзержинский, Андропов был предельно честен в своих воззрениях и действиях. Он был вне кланов и группировок. Его собственная позиция отражала политическую линию Политбюро ЦК КПСС, выработанную и коллегиально утвержденную на партийных съездах. Оценки деятельности органов КГБ в партийных документах, самые высокие и лестные, расценивались им не только как похвала, но и как служебные задачи (в концентрированном виде).

В должность председателя КГБ Андропов вступил в мае 1967 г. Вскоре его избрали кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Накануне этого Ю.В. Андропов в составе партийно-правительственной делегации, которую возглавлял Л. И. Брежнев, выезжал в МНР. Пограничники контрольно-пропускного пункта «Наушки» потом рассказывали, что видели, как во время стоянки поезда Л.И. Брежнев и Ю.В. Андропов не спеша прогуливались по перрону и дружески беседовали. У офицеров в зеленых фуражках, наблюдавших этот непринужденный променад, создалось впечатление, что глава их ведомства (пограничники в то время были в составе КГБ) и генсек очень дружны.

Действительно, Андропов пользовался доверием у Брежнева. О своих дружеских отношениях с

первым лицом партии рассказывал и сам глава КГБ. Передавая дела своему преемнику генерал-полковнику В.В. Федорчуку, Юрий Владимирович шутливо вспомнил о своем первом дне на этом посту: «Сел за бумаги, силится вникнуть в незнакомую терминологию, но от напряжения усталость меня свалила — я заснул. Проснулся от телефонного звонка. «Юрий, тебя еще в КГБ не арестовали?» Это был Брежнев». Так шутят только с друзьями.

Однако сейчас, по прошествии времени, надо признать, что у Андропова на посту председателя Комитета государственной безопасности все-таки были проблемы — именно в отношениях с верхами. С одной стороны, Брежнев доверял Андропову. Укреплению органов государственной безопасности близкими себе людьми Брежнев придавал ключевое значение. Генсек дал Андропову очень лестную оценку при вручении ему государственной награды: «Наша партия, ее Центральный комитет, Политбюро ЦК считают принципиально важным, чтобы острое оружие защиты безопасности государства находилось в чистых и безупречных руках».

С другой стороны, Андропов не мог не понимать, почему заместителями руководителя ведомства были поставлены С.К. Цвигун, Г.К. Цинев — люди из ближайшего окружения Леонида Ильича, а точнее, из его клана, бывшие сослуживцы и приятели.

Сотрудники органов безопасности — часть общества, и перемены в обществе не могли не отражаться на их мироощущении. Теперь они могли открыто обсуждать то, о чем раньше приходилось шептаться по углам. По роду деятельности офицеры госбезопасности сталкивались не только с отрицательным наследием прошлого, но и с глухим, а подчас и открытым ропотом масс в начале застойного периода. Люди с честным, аналитическим складом ума, каковыми в большинстве своем были офицеры с Лубянки, не могли не видеть этого, не думать об этом, не сопоставлять фактов и не делать выводов.

Как-то на собрании партактива центрального аппарата КГБ (было это в 1969 г.) в президиум поступила записка: «Почему до сих пор для определенного круга лиц существуют кремлевские пайки? Иванов». Позже стало известно, что эта записка вызвала у Андропова раздражение. Но тогда этого никто не заметил. Спокойно, в свойственной ему полемической манере он провел блицдискуссию с так и не пожелавшим явить себя обществу «Ивановым»:

- Во-первых, — подчеркнул Андропов, — среди участников собрания пять Ивановых. И я-то знаю, что никто из них этой записки не посылал. Во-вторых, к лицу ли чекистам поднимать вопросы о кремлевских пайках? Мы ведь сами пользуемся значительными преимуществами в получении социальных благ по сравнению с аналогичной категорией управленческого аппарата, в частности среди москвичей.

Андропов не поддержал тогда постановку своими сотрудниками этих острых, а по тем временам и для той аудитории даже и дерзких вопросов. Но уже в начале 80-х гг., в ходе Всесоюзного совещания руководящего состава органов и войск КГБ СССР, его участники не могли не почувствовать: Андропов явно встревожен ослаблением в обществе контроля за мерой труда и потребления, проявлениями коррупции, в том числе и в верхних эшелонах власти. Все это рассматривалось как причина ухудшения морально-нравственной обстановки в стране.

Разговор носил откровенный характер, настраивал участников совещания на противодействие такого рода негативным явлениям. Человек недюжинного ума, Андропов не мог не осознавать: эти опасные тенденции, если допустить их развитие, неминуемо разрушат систему. Жизнь показала: он был прав.

«Периферия», где укрепляли свое положение «люди Брежнева» — Рашидов, Кунаев, Медунов, — всячески старалась избежать «глаз Андропова».

Как-то в конце 70-х гг. Андропову позвонил Рашидов и вежливо, но с нажимом сказал, что он был бы очень рад, если бы Юрий Владимирович заменил председателя КГБ Узбекистана генерал-лейтенанта Нордмана местным работником. Нордман, бывший белорусский партизан, человек честный, порядочный и принципиальный, Рашидова не устраивал.

Андропов, чтобы не вступать в прямой конфликт с «человеком Брежнева», удовлетворил его просьбу. Но тут же сделал «ответный ход»: срочно направил первым заместителем председателя КГБ республики принципиального, волевого работника — заместителя начальника управления кадров КГБ СССР, бывшего заместителя начальника управления КГБ по Ленинградской области генерал-майора В.И. Шабалина. Тем самым шеф госбезопасности смог держать руку на пульсе пресловутого «узбекского дела». Как только Брежнев умер, это скандальное дело было передано в Генеральную прокуратуру СССР. Так что только несведущие полагают, что главная заслуга в разоблачении героев «узбекского дела» принадлежит широко афишировавшим себя на «ташкентской волне» Гдляну и Иванову.

Еще при жизни Брежнева в орбиту следственных органов КГБ стали попадать его ближайшие домочадцы. Информация из КГБ, минуя генсека, ложилась на стол Сулова. Таким образом,

подспудно назревал конфликт между Брежневым и Андроповым. Тревожным сигналом стала опала недавно приближенного к Брежневу первого заместителя Андропова генерала армии С.К. Цвигуна. Если верить западным источникам и предположениям некоторых публицистов, в свое время работавших на Старой площади, именно из-за опалы Цвигун покончил жизнь самоубийством. Хотя лечащий врач генерала утверждал, что причиной его поступка вполне мог быть один из приступов мучавшей его болезни.

Но Андропов отнюдь не Цвигун. Брежнев это понимал. У Юрия высокий авторитет в Политбюро, в Центральном комитете. И Леонид Ильич вынужден был сделать рокировку— «отозвать Андропова Ю.В. в аппарат ЦК КПСС на освободившуюся после смерти Суслова вакансию». После этого перемещения в пик кандидатуре В.М. Чебрикова, предложенной Ю.В. Андроповым, во главе госбезопасности был поставлен В.В. Федорчук, занимавший до этого пост председателя КГБ Украины. В этой должности он пробыл недолго, зарекомендовав себя весьма ограниченным службистом.

С избранием Юрия Владимировича Андропова на должность Генерального секретаря ЦК КПСС Федорчука передвинули «по горизонтали» — на должность министра внутренних дел СССР. Председателем КГБ СССР стал В.М. Чебриков, один из бывших заместителей Ю.В. Андропова. На Лубянке это назначение восприняли с удовлетворением.

Из записной книжки генерала Иванчишина: «Мне запомнился день, когда были обнародованы эти перемещения. Вместе с начальником Политуправления пограничных войск генерал-лейтенантом В.С. Ивановым мы возвращались с пограничной заставы Выборгского погранотряда. Включив радиоприемник, услышали сообщение о новых назначениях в МВД и КГБ. Реакция Иванова на это сообщение оказалась для меня несколько неожиданной — он не смог сдержать радости. Волнуясь, рассказал, как работники центрального аппарата сокрушались по поводу ухода Андропова и бездумного назначения Федорчука, который насаждал обстановку нервозности и слепого послушания».

Действительно, назначение на пост председателя КГБ СССР В.М. Чебрикова было воспринято на Лубянке как свидетельство сохранения курса XX съезда партии, стиля и методов работы, утвердившихся при Ю.В. Андропове, наконец, как продолжение лучших традиций, заложенных еще Ф.Э. Дзержинским.

Что же крылось за этим назначением? Л.И. Брежнев и К.У. Черненко, поставив во главе КГБ Федорчука, рассчитывали таким образом обезопасить себя от Андропова, помня ту «шутку», что сыграли А.Н. Шелепин и В.Е. Семи-частный с Н.С. Хрущевым. Однако они не учли другого: на фоне страдавших политическим склерозом старцев из Политбюро Андропов становился ведущей фигурой. Именно вокруг него формировалась «Новая волна» из «молодых» членов Политбюро, из которых Юрию Владимировичу ближе всех был, пожалуй, М.С. Горбачев.

Мишель Монтень негодовал по поводу легкомыслия, с которым люди позволяют ослеплять и одурачивать себя вкусами нынешнего дня до такой степени, что способны менять взгляды и мнения каждый месяц, и всякий раз готовы судить о той или иной вещи по-разному. Что греха таить, в годы застоя и многие сотрудники КГБ вынуждены были подчиняться неумолимой, хотя и сомнительной логике, в которой существовало две правды: одна высказывалась вслух, другая пряталась в мыслях подале. Поворот к «застою» произошел через цепочку взаимосвязанных изменений во внешней и внутренней политике, через их долговременную «идеологическую подготовку». Политика в те годы уже начала свое превращение в ритуальную служанку правящей группы из партийно-правительственного аппарата. Внешне все это осенялось трескучими фразами о «„коллективном разуме" партии». Апологетами новой политики всячески обыгрывалась сила. Гипертрофически возвышалась роль армии, правоохранительных органов. Менялся тон официальной пропаганды: с расширением прав и свобод личности акцент все больше смещался в сторону повышения ответственности каждого перед государством, соблюдения гражданами своих обязанностей и всемерного повышения политической бдительности.

Резкие перепады во внешней политике тревожным эхом отдавались на Государственной границе СССР (между прочим, самой протяженной в мире), возбуждая очаги напряжения. Страна не раз оказывалась на грани военной опасности.

На этом фоне особенно четко вырисовывался политический портрет Ю.В. Андропова. Конечно, он был человеком своей эпохи, но все же по многим параметрам ее опережал. Качества реформатора, мыслителя, дальновидного политика, убежденного сторонника эволюционного пути развития преобладали. Автор этих слов глубоко убежден в том, что Андропов не поддержал бы разрушительную «перестройку» Горбачева — ведь он так был привержен идеям порядка и дисциплины, так взвешенно подходил к определению пропорции демократии и ограничений в интересах этой демократии, единства конституционных свобод и обязанностей граждан.

Юрий Владимирович опасался нарушения этого равновесия, справедливо полагая, что тогда в обществе воцарится хаос, вырвется наружу слепой фанатизм, одним словом, активизируется социальная агрессивность.

Если говорить о свободе, Андропов полностью разделял взгляд на эту проблему ошельмованного сегодня Максима Горького, который говорил, что он против свободы, начиная «с той черты, за которой свобода превращается в разнузданность... Превращение это начинается там, где человек, теряя сознание своей действительной социально-культурной ценности, дает широкий простор скрытому в ней древнему индивидуализму мещанина и кричит: „Я такой прелестный, оригинальный, неповторимый, а жить мне по воле не дают!“ И хорошо еще, если он только кричит, потому что, когда он начнет действовать по воле своей, так в одну сторону он становится контрреволюционером, а в другую — хулиганом».

Андропов разделял взгляды Горького и ставил «инакомыслящих» в один ряд с ворами, взяточниками, спекулянтами и другими уголовными элементами. Убежденный и искренний противник массового террора и репрессивных мер в деятельности органов безопасности, Андропов тем не менее преувеличивал значение их идеологических функций. В последующем это привело к тому, что инакомыслие в стране подавлялось, многие «диссиденты» были изгнаны за пределы страны. А заодно с ними и строптивные представители творческой интеллигенции, ратовавшие за плюрализм мнений.

Именно Андропов первым из первых лиц государства и партии уловил, что прежняя вера в идеалы перерождается в привычную риторику. Как человек умный и проницательный, Андропов не мог не видеть: в обществе с началом процесса девальвации идеалов появились сомневающиеся, и в первую очередь это были люди с пытливым умом и обостренным восприятием правды и лжи.

Андропов видел в диссидентстве прежде всего «классовые корни». Диссидент — один из персонажей классовой борьбы. Противники социализма подключили к этой борьбе западную прессу, дипломатов, а также разведывательные и иные специальные службы. Диссидентство, по его оценке, из политического феномена могло переродиться в своеобразную профессию, щедро оплачиваемую валютными и другими подачками.

Однако на этом Андропов точку не ставил. Он вполне допускал мысль, что социализм не застрахован от появления отдельных лиц, чьи действия не вписываются ни в моральные, ни в юридические рамки общества. Причины он видел разные: политические или идейные заблуждения, религиозный фанатизм, националистические вывихи, личные обиды и неудачи, воспринятые как недооценка обществом заслуг и возможностей данного человека, наконец, в ряде случаев — психическая неустойчивость отдельных лиц. И здесь Андропов оказался провидцем. И за то, что последнее послужило «теоретической базой» заточения неугодных в психбольницы и изоляторы, он несет прямую ответственность...

В своих выступлениях Андропов давал широкое толкование идеологической диверсии, в которой он также выделял две стороны — внешнюю и внутреннюю. Как правило, инспираторы идеологической диверсии находятся за рубежом. Но их подрывные действия направлены внутрь нашей страны. Их объектом является наш человек. Исходя из этого, Андропов формулировал политические задачи сотрудникам ведомства на Лубянке: для ограждения интересов советского общества противодействовать подрывным акциям империалистических государств. Борьба при этом должна быть решительной и бескомпромиссной. Пограничникам отводилась роль первичного заслона — обнаруживать и изымать «идеологически вредную» литературу.

Что касается второй, внутренней стороны этого вопроса, то тут Андропов проявил себя либералом, призывая быть особенно внимательным и осторожным. Сотрудникам органов безопасности предписывалось бороться за каждого человека. Если тот оступился — помочь ему встать на правильный путь. А бороться надо против всего, что чуждо нашей идеологии и морали. И не только бороться, но и вносить свой вклад в процесс формирования нового человека. Именно в те годы получила широкое распространение практика так называемой профилактики «отклонившихся» от принципов марксистско-ленинской идеологии, социалистической морали и нравственных норм.

Качества реформатора проявились у Ю. В. Андропова с вступлением его на высшие посты в партии и государстве. Но преждевременная смерть не позволила им раскрыться, осуществить задуманное.

Юрий Владимирович Андропов любил свое ведомство и очень много делал для него и его сотрудников. Впрочем, стремление сделать для людей максимум возможного было характерно для него всегда.

Даже те, кто в целом отрицательно относился к КГБ, высказывались о нем уважительно. «Отец русской демократии» А.Д. Сахаров как-то заметил, что система госбезопасности коррумпирована меньше других государственных структур, потому что была элитарной системой.

В период руководства Ю.В. Андроповым КГБ СССР в Москве, на Лубянке, было построено новое

административное здание для Центрального аппарата, современные комплексы Академии ФСБ на Мичуринском проспекте, Высшего пограничного военно-политического училища в Голицыне, Первого главного управления (ПГУ) в Ясеневе, Правительственной связи (ныне Федеральное агентство правительственной связи и информации — ФАПСИ) в Большом Кисельном переулке и многие другие объекты в Москве и на периферии. Открыли двери для чекистов новые санатории: «Семеновское», «Паланга», «Железноводск», в г. Махачкале, реконструированы санатории «Кратово», «Кисловодск»; построены Центральный военный клинический госпиталь для пограничников в Подмоскowie и много других социальных объектов.

В Москве, столицах союзных республик и других городах силами строительных организаций КГБ велось жилищное строительство для сотрудников. Улучшился быт пограничников.

Во всем этом проявлялась забота Юрия Владимировича о подчиненных. Он достойно отстаивал их интересы.

За большие заслуги перед страной Ю.В. Андропову в 1974 г. было присвоено звание Героя Социалистического Труда, ранее — звание генерала армии. Он награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской революции, Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени и медалями. Его имя было увековечено в названиях пограничного отряда, боевого корабля и высшего военно-учебного заведения. Его имя помнят и чтут не только коллеги, друзья, но и простые люди, все те, кто с его приходом во власть ждал перемен. Перемен к лучшему.

На главном здании Управления ФСБ, на Лубянке, 2, установлена памятная плита с барельефом Ю.В. Андропова. В самом здании кабинет Юрия Владимировича Андропова считается священным местом. Там все осталось таким, как было при Ю.В. Андропове: и устаревшая селекторная связь, и недорогая строгая мебель, и даже настольный календарь, открытый на дате его смерти.

Молодое поколение чекистов с трепетом и уважением относится к памяти славного сына ведомства. Самые высокие и почетные государственные награды принято вручать в стенах этого кабинета.

Адрес страницы: <http://sviblovo.mos.ru/presscenter/news/detail/1062686.html>

[Управа района Свиблово](#)